

Париж! Разве это только журчание аккордеона в музее, песни Ива Монтана и тоска Хэмингуэя по празднику, который вызывает ностальгию, а стало быть – не всегда с тобой? Город этот существует, в чем сомневаться не приходится. Но все же он в большей степени – мечта.

А мечтают все. В одном маленьком городе целую сеть кондитерских (уже сжавшуюся до одного или двух маленьких заведений) назвали «Парижанка». Кому не хотелось бы угоститься парижскими сладостями вдалеке даже от русской столицы.

Живущие в Париже люди тоже, как ни странно, мечтают о нем. Пусть парижане буквально ходят по всей этой красоте и романтике, скучно и повседневно топчут ее ногами. Исторические личности и литературные герои не встречаются им в метро или на парковке. И если был парижанин в Лувре хоть раз – так уже хорошо. Достижение. Хотя многие кондитерские там стоят по сто, по двести и даже больше лет – а это не меньшее достижение.

И разве все парижане знают, кто такие Джанго Рейнхардт и Стефан Грапелли? А Майлз Девис? А кто сейчас вспомнит Жюльетт Греко? И уж редкий любитель музыки скажет вам, на какой именно скрипке приводил в неистовство публику Иегуди Менухин, –

вовсе не парижанин? Впрочем, парижанином может считать себя и даже стать им – каждый.

Давайте договоримся. Мы вместе мечтаем. Сочиняем сказку про великую скрипку, про знакомых нам людей, но называть никого по имени не будем, если где в чем ошибемся – не беда, это просто наша фантазия, а она допускает неточности – на то и фантазия. Да простится нам в чем-то совершенно лишний, согласен, пафос – так просто сочтем его за пародию. Попробуем переместиться в Париж, и убедимся, что...

...Даже в Париже можно оказаться в очереди. Конечно, есть важные господа, которые не станут тратить времени, а пошлют вместо себя курьера. Но в очередь, о которой ведется речь, секретарей и прислугу посылают только те, у кого тугой кошелек – и такое же тугое ухо. Главный концертный зал великого города смеется над такими всеми своими креслами! Выбор мест очень невелик, самые лучшие всегда будут заняты людьми, принадлежащими к элите из элит, – людям с самым тонким в Париже, да и не только в Париже – слухом. Эти места будут зарезервированы для особых гостей всезнающими администраторами. Ох, и хлопотная же эта «элитная» публика! В дни выступлений Рыцаря в одном

Маршрут – это серьезная вещь, если с каждым домом тебя связывают воспоминания. Воспоминания – это люди. И хорошо, если те самые люди есть еще там, если среди игроков в шары в парке можно встретить знакомое лицо, и как важно, чтобы человек с удочкой на набережной был тот же самый.

из самых прославленных залов Европы собираются композиторы, дирижеры, исполнители, критики. И сколько между ними бывает ненависти и неприязни, обид и капризов, даже если не брать в расчет издревле присущую этому нервному цеху ревность! Тут они черпают прямо из воздуха аргументы для теоретических баталий и хриплых споров о форме. Кому и где достанутся кресла, кто рядом с кем окажется, столкнется в проходе или гардеробе... – тонкая работа и очень даже опасная у тех, кто раскладывает в конверты билеты.

Президент, премьер-министр, равные им по рангу гости из других стран и даже прибывшие с визитом августейшие особы оказываются здесь в самой красивой – и не самой лучшей для прослушивания ложе. Она придумана для того, чтобы показать, кто почтил событие вниманием, не заботясь о том, что даже у этих слушателей могут оказаться восприимчивые к музыке уши. Заметим, однако, что такое случается редко. Но случается ведь.

Но и у оставшихся в зале мест, на которые можно купить обыкновенные (хотя и весьма дорогие) билеты – представьте себе – в кассе, тоже есть свои особенности. И здесь кому-то важно, с кем рядом провести два часа, кто-то желает уютно притулиться там, где ему никто и ничто не помешает. Кому-то важно «показаться», а кому-то – остаться

незамеченным. Но пожелания учтены не будут. Администраторы демонстративно неподкупны, кассир даже не смотрит на лица жаждущих желанных мест в партере, капельдинер царственно сопровождает в ложу или к креслу персон, известных всему миру. Впрочем, не стоит обольщаться, невозможного нет и здесь.

Лучший звук – в пятом, шестом, седьмом ряду – и на самом верху. Публика там помоложе, хотя и семидесятилетний старик может там с озорным азартом ждать, когда же, наконец, рассядутся все эти миллионы, караты и ордена внизу и выйдет тот, кого здесь действительно ждут.

Почтенного возраста человек, впрочем, не из бедных, хотя теперь это не сразу и разглядишь за мятым пиджаком, довольно наблюдал за тем, как разбредались недовольные после того, как окошко кассы захлопнулось. Темные личности, готовые «помочь» невезучим за многократно вздутую плату, оживились, и кое-кто, в сердцах выругавшись, уже выложил им изрядные суммы. Многие еще мялись и прикидывали, во сколько других радостей, менее изысканных, но ежедневно необходимых, обойдется им «помощь» барышника. Остальные вздыхали и спускались по каменным ступеням на тротуар, где растворялись в быстротекущем городском *perpetuum mobile*.

И загрустил пожилой господин, потому что у него-то в кармане было именно то, чего все здесь так жаждали. И было у него «этого» столько же, сколько бывало и обычно, – но теперь вдвое больше, чем требовалось. И угнетало его обстоятельство, что сложная задача требовала решения, а вот решения у него никакого не было.

Он собрался уйти, и стало еще печальнее – раньше для этого дня был у него совсем другой маршрут. Сегодня оставалось только идти домой – или куда хочешь, а не хотелось никуда, домой уж точно. Он стал придумывать себе планы на ближайшие часы – как пойдет в ресторанчик, где бывало за долгие годы больше знаменитостей, чем лежит на парижских кладбищах, и как станет он за стаканчиком вина и чем-нибудь лакомым предаваться воспоминаниям. А на стол ему подаст человек по имени Ренэ, который помнит почти всех приходивших сюда великих и не великих и с которым и пожилой господин сам был знаком больше десятка тысяч дней. Это, конечно, неудобно, когда старый друг подает и наливает тебе вино, которое сам не смог бы себе позволить, да еще и меняет перед тобой тарелки, но ничего – у них скоро будет шанс посидеть на равных, и подавать будет кто-то другой.

Но важно ведь не только решить, куда пойти, но и как. Маршрут – это серьезная вещь, если с каждым домом тебя связывают воспоминания. Воспоминания – это люди. И хорошо, если те самые люди есть еще там, если среди игроков в шары в парке можно встретить знакомое лицо, и как важно, чтобы человек с удочкой на набережной был тот же самый. Сегодня нельзя испортить такое хрупкое в старости настроение. Нежелательная встреча – ерунда. Невстреча, или невозможность встречи, о которой напомнить может любая мелочь, – вот что ранит все сильнее с каждым годом.

Тем временем от одного из билетных жуликов отошла пара. Пара – это всегда интересно. Любопытный господин прислушался к разговору двоих, которым казалось, что сегодня у них день неудач.

– Все же я что-то не пойму... – сомневался молодой человек, пересчитывая общие деньги, извлеченные из своего грубоватого бумажника и смешного девичьего кошелька. – Чем так плох концерт, который будет в пятницу...

– Но на него мы все же могли купить билет – а ты замешкался, вот его и увели у нас из-под носа!

– Да, но ты заметила? Все, кто не добыл билетов на четверг, ушли с кислыми физиономиями. А значит, в пятницу концерт почему-то хуже. А я на то, что похуже, с тобой не пойду.

– Ну, спасибо, конечно. Но, знаешь, это было бы дешевле, чем покупать теперь билет на сегодня у этих типов. – Она сморщила гримаску, очень точно изобразив одного из спекулянтов. – А мы и тут замешкались, теперь и у них ничего нет...

– Я обожаю этого скрипача не меньше, чем ты, хотя и понимаю в музыке не так много. Но ты же знаешь: если я сталкиваюсь с загадкой, я буду терзаться до тех пор, пока ее не раскрою. Поэтому я и задумался.

– Какая загадка? В пятницу Рыцарь не дает бисов. И концерт заканчивается на полчаса раньше. Только и всего...

– Я не большой знаток, но, может быть, бисы – это и есть самое главное? А кроме того, всегда бисы есть, а в пятницу их не будет. Почему?

– Ну... Может быть, он просто устает. Он ведь в детстве попал к педагогу, который разглядел в нем талант, но не обратил внимания, что Рыцарь – физически далеко не Паганини, в том смысле, что для скрипача у него очень короткие руки. И в детстве Рыцарь правую руку переиграл. И к концу недели он, конечно, уже не так свеж, как в среду или в четверг. Вот и хочет доиграть поскорее.

– Я видел его лицо по телевизору. Это не тот человек, который дал бы боли взять верх над собой! Это видно каждому, у кого хоть немного зрячая душа!

Господин с интересом поджал губы, скрывая улыбку: он заинтересовался разговором этой пары с первого слова – сначала ему было любопытно, потом смешно, а затем стало радостно. Она – красива, но не избыточно, ее приятная красота не подавляла ее простодушия. А Он был простодушен, хотя не беспечен, но, похоже, никогда об этом не задумывался. Глаза были у Него умные и цепкие – интерес старичка Он не пропустил и сказал своей спутнице, ничуть не повышая голоса и не давая понять, что заметил чужое внимание:

– Пожалуй, раз нам здесь не повезло, стоит придумать что-нибудь попроще, а удачу здесь ловить в другой раз. А?

«Каждый, у кого хоть немного зрячая душа...» В конце концов, почему бы не посмотреть, насколько этот парень в самом деле сообразителен и зрячие ли у них души. «Вот и посмотрим!» – ехидно подумал господин и словно сам себе строго изрек:

– Никакие болезни Рыцаря тут ни при чем. Все дело именно что в секрете.

Молодой человек хотел удержать свою подругу от разговора с посторонним, но кто сумел бы противостоять женскому любопытству? Она рванулась к пожилому господину и спросила, прямо глядя ему в глаза:

– А вы, может быть, даже знаете этот секрет?

– Я? – неторопливо вытаскивая из кармана пиджака сигару в металлическом футляре, переспросил месье, как будто призадумавшись, стоит ли откровенничать.

И вместо ответа покачал головой и достал старые карманные часы с сигарной «гильотиной» вместо брелока. Обезглавив извлеченную из футляра сигару, он утвердил ее во рту и стал искать по карманам совсем не элегантную бензиновую зажигалку, с которой не расставался лет тридцать пять и которую очень берег.

Тут заинтересовался и друг любопытной красавицы. Он ни слова не сказал и только всмотрелся в глаза старика, когда-то ярко-голубые, а теперь становившиеся с каждым годом все яснее и прозрачнее. Старик такое поведение молодого человека понравилось. Он раскурил сигару, и глаза его предательски прослезились – любимый некогда табак стал уже крепковат. Моргнув пару раз, он «подсушил» глаза и поиграл сигарой во рту, как бы в задумчивости.

Снова придется ему переживать свою долгую жизнь, и некоторые дни будут в измерении памяти гораздо длиннее и мучительнее, парадоксально уместаясь в несколько часов, предназначенных для сна.

- Да, я этот секрет знаю, – заявил он утвердительно и добавил: – Именно поэтому я всегда в дни концертов Рыцаря освобождаю вечера от других дел. И билеты у меня всегда есть. И на четверг, и на пятницу. На четверг – два, а на пятницу – три.
- Так вы ходите на концерты по четвергам в обществе какого-то искушенного меломана, а в пятницу берете с собой менее взыскательных приятелей? – уточнил молодой человек.
- Если у концерта в пятницу есть секрет, то зачем мне идти туда с теми, кто ничего не понимает? – отвечал месье с ехидной улыбкой.

Если бы девушка начала расспрашивать его, стараясь продемонстрировать свое очарование, тем самым от этого очарования сразу избавившись, или молодой человек буркнул бы «Что-то я вас не пойму» или нечто в этом роде, старик действительно развернулся бы на каблуках и отправился к Ренэ без промедления. Но двое слушали его, как зачарованные.

Тысячи настоящих тайн рядом с вами остаются нераскрытыми именно потому, что вы предпочли их не заметить. Если вы предпочитаете готовую загадку с напечатанным вверх ногами ответом – вот вам ваш выигрыш, вернее, проигрыш, живите скучной жизнью на всем готовом.

Но перед этой девушкой и ее женихом стояло много настоящих загадок, главными из которых были друг для друга они сами. А освещенные мягким мерцанием таких тайн, все остальные тайны тоже становились преисполненными важности. Старик улыбнулся – даже не им, а себе самому, что-то вспомнив, и полупшепотом сообщил:

- Это действительно секрет. Но секретами не разбрасываются. Их разгадывают.

Старик сжалился. Да и невыносима была мысль о том, что сегодня вечером такси отвезет его в огромную пустую квартиру, где ему нужен только любимый уютный уголок с торшером и радиоприемником возле диванчика. Снова придется ему переживать свою долгую жизнь, и некоторые дни будут в измерении памяти гораздо длиннее и мучительнее, парадоксально уместаясь в несколько часов, предназначенных для сна. Но эти двое помогли, и нашлось решение, которое он искал.

- Как раз теперь, – таинственно прошептал он, – у меня есть одно важное дело, которое я просто не в состоянии отменить. И вам повезло!

Молодой человек так и стоял с мятыми денежными бумажками в руке, и попытался отдать их старику, но тот властно вложил ему в ладонь конверт с двумя билетами на концерт и махнул освободившейся рукой.

- Это не продается! Видите ли... эти места – особенные. Рыцарь обязательно посмотрит в их сторону. Если именно эти два кресла окажутся пустыми, он будет очень расстроен.
- Но может быть, капельдинер посадил бы туда кого-то другого... – предположила девушка, и старик произнес со строгой определенностью:
- Ни один капельдинер не посмеет посадить на эти места людей, у которых нет таких, особенных билетов. Вас проводит к креслам сам старший администратор. У его окошка будет столпотворение, но он лично проверит, все ли благополучно именно на этих местах.
- А если он спросит, кто мы такие и откуда у нас эти, как вы сказали, особенные билеты? – испуганно спросила девушка.
- Вы ответите ему просто. «Месье, которого вы знаете, – скажете вы, – выбрал нас. И помните – главное, чтобы Рыцарь не расстроился!» Тогда он может спросить, отчего же месье не пришел сам. Вы ответите ему, что месье, к сожалению, не может сегодня соблюсти все условия, к тому же он очень серьезно готовится к завтрашнему вечеру. И больше никаких вопросов не будет. Он тут же оставит вас в покое. Погуляйте пока неподалеку, а мне, с вашего позволения, уже хотелось бы откланяться.

Двое остались в полном – и радостном недоумении. Они выпили по бокальчику вина в кафе неподалеку – чего бы уж точно не произошло, если бы им пришлось отдать старику положенные деньги. С первым звонком они направились ко входу в зал,

капельдинер лично проверил их билеты и тут же усталился на молодую пару с подозрением. Он попросил «минуточку подождать», и почти сразу рядом с ним, после странного взмаха его руки, появился важный мужчина в круглых очках подросшими бровями. Не дожидаясь вопросов, молодой человек сказал:

- Месье, которого вы знаете, просил передать, что эти кресла непременно должны быть заняты. Вы же не хотите расстроить...
- Да-да... – замаялся важный, но спросил осторожно: – Я надеюсь, месье здоров?
- Вполне... – начала было девушка, но молодой человек со слегка преувеличенной суровостью перебил ее:
- Месье просил только напомнить вам, что условия должны соблюдаться неукоснительно!
- Прошу прощения, разумеется, это именно так. Я слишком много болтаю. Позвольте, я вас провожу. На лице все еще с любопытством разглядывающего их капельдинера подозрение сменилось на подострастие.

И напыщенный мужчина в очках лично проводил их к двум креслам в седьмом ряду, чуть левее центрального прохода. На креслах уже лежали программки, которые другим приходилось покупать.

Прозвучал второй звонок.

И капельдинер, и администратор словно упорхнули куда-то. Восторженные и немного напуганные, девушка и ее спутник не заметили, как возле левой кулисы слегка пошевелился занавес и из-за его края скользнул по их креслам внимательный взгляд.

Ресторанчик, хотя и небольшой по размерам, отличался от прочих тем, что почти все здесь было старое и настоящее. Посетители здесь были, впрочем, разные и, конечно, не те, что раньше. Сдержанно кивнув знакомой даме, лет сорока с хвостиком, незаметно для сопровождавшего ее мужчины с атлетической фигурой, господин одними губами проговорил, благо мужчина смотрел в другую сторону:

- Ах вот ты как! – и подмигнул.

И получил в ответ улыбку, а сидевший напротив дамы атлет просиял, по глупости думая, что улыбка предназначалась ему. Месье тоже улыбнулся – и не без озорства.

Вечер начался, вопреки ожиданиям, не так и плохо.

Он уверенно пошел к столику, свободному несмотря на то, что ресторан был полон. Похоже, что не только кресла в концертных залах, но и столики

в ресторанах для этого пожилого человека полагались особенные. Да так оно и было. Справа возник высокий и худощавый Ренэ, сохранивший, несмотря на возраст, осанку.

- Кобра! – тихо проговорил он. – Я так и подумал, что сегодня надо придержать твой столик. Но как же ты вышел из положения?
- Погоди с этим! Хотя вышло довольно занятно. – К старику вернулось хорошее настроение.
- Что тебе подать, Кобра?
- Попроще, покрепче, побольше.
- А что – покрепче?
- То, что действительно покрепче! И давай придумаем, как удалить отсюда этого огромного болвана, который уселся напротив моей Акробатки! – такое прозвище было у дамы, с которой старик обменивался улыбками. Тут уже усмехнулся Ренэ.
- Не повезло парню!

Ренэ принес очень старую бутылку и прибор. Старику здесь подавали исключительно на блюдах и в бокалах, сохранных Ренэ с очень далеких времен. Месье взял в руки пузатый сосуд для коньяка и подумал – скольким знакомым доводилось пить из него... а ведь и самому не раз приходилось брать за круглые стеклянные бока этой посуды – именно этой. Мысль о том, что можно даже выпить с самим собой – но на несколько десятков лет моложе, его развеселила. Выпить с тем собой, который впервые пригубил из этого стеклянного шара, когда «шалуньи», что сейчас ворожит перед шумным атлетом, еще не было на свете. А ведь случись ему встретиться с ее матерью на пару лет раньше, она бы могла звать его папой... Но тогда бы не случилось нескольких других приятнейших приключений, двумя десятками лет позже. А еще наверняка к этому бокалу прикладывался и великий Мануш в толь-ко что пошитом дорогом костюме, из-под которого торчали нелепые красные носки.

Он поперхнулся – не от крепости напитка, а от смеха при этом воспоминании. Где же он впервые встретил этого негодяя? И как потом сестра Мануша выпросила у него половину пластинок этого великого бродяги, отбирая те, что «с белой собачкой на этикетке». Пластинки ему были ни к чему – он и так помнит каждую ноту.

Старик снова засмеялся: Ренэ шепнул что-то на ухо «спортсмену», и тот вдруг опрометью бросился на улицу. Обиженная Акробатка (ее фигура и рост совсем не подходили к прозвищу) заскучала за своим столиком, и старик запросто поманил ее пальцем. Та снова расцвела и поплыла к столу старика,

влекательности, не теряя возможностей. Он вдруг подумал, что мужчина и женщина – их переплетенные тела, – это единственное убежище, в котором можно скрыться от всего на свете. Вспомнил, как застал когда-то жену в объятиях другого. Он тогда не испытывал ни гнева, ни ярости – только страшную боль и беззащитность, как выдранная из панциря черепаха. И всего удивительнее было то, что он совершенно не помнил, как и куда делся тот, другой. И как он ощутил свою вину перед ней. Когда хлещет дождь с градом, а уютного дома рядом нет, спрячешься даже в грязном отхожем месте. Они дважды потом расставались – решительно и навсегда, но через год в первый раз и через пять во второй снова оказывались в этой кровати. А теперь ее давно нет, и только это уже навсегда. Как ни крути, а женщина – это и есть жизнь.

Он присел по-турецки, посмотрел на свои колени – уже безвозвратно далекие от былой формы, и улыбнулся. А ей идет находиться в этом доме, среди красивых вещей. Ей нужны деньги, конечно. Чтобы подчеркивать свои прелести – сейчас, чтобы создавать иллюзию красоты – понадобятся потом... Изменять будет – да черт с ней. Лишь бы не уходила надолго... Дом и деньги? Так не заберет же он их в могилу. Может быть, жениться на ней? Вот ведь глупость: за прозвищем имя позабыл... Как же ее зовут?

Они под утро выпили еще по бокалу, слегка захмелели – и снова почувствовали друг к другу нежность, уже без острого желания. Просто – ласковую нежность.

– Робер... – только и сказала она, выразив все одним лишь словом.

Она назвала его не прозвищем, прилипшим к нему с сорокового года, а по имени. Он и не предполагал, что ей известно его имя.

– Эй... – стыдись, пробормотал он, – ты смотришь так, будто читаешь мои мысли по глазам. Что там в них написано?

– Что странные у тебя желания, Кобра.

– Какие, Акробатка?

– Жюльетт, – засмеялась она. – И я согласна. – И, серьезно посмотрев ему в глаза, сказала: – Я буду изменять тебе только днем, чтобы по вечерам мы были всегда вместе. Я буду делать это редко-редко. Или совсем не буду. Но – ты же понимаешь, сразу это может не получиться. Черт тебя возьми, Кобра. Я буду стараться... Или уже начала?

Каких только странных объяснений в любви не бывает на свете.

* * *

Проснувшись раньше своей подруги, молодой человек несколько минут как можно осторожнее вытаскивал из-под Ее спины свою руку, выплетал ноги из буйного и страстного узла и наконец освободился. Сегодня Он уже не будет таким олухом, как вчера. Она ведь тоже не особый знаток, просто прочла пять или шесть книг и ходила на концерты чаще чем Он. Он стал искать книги, которые помогли бы ему разобраться, взял одну, потолще. Ничего, разберемся. В конце концов, Ему ведь хватило месяца, чтобы самостоятельно подготовиться к сдаче экзамена по римскому праву.

Первое, что он решил узнать, – это как различать, где пауза означает окончание части, а где – конец всего произведения, чтобы можно было начать аплодировать, не боясь оскандалиться. Но, как назло, нарвался на слово «каденция», или «каданс», что звучало попроще. То, что каденция – это «заключительный мелодический или гармонический оборот, завершающий музыкальное произведение», было вроде понятно, а вроде и не понятно, тяжелый такт, доминанта и субдоминанта основательно напугали, а то, что каденции бывают автентичными и плагальными, привело в ужас. Ультима, пенульта и антепенульта, – это еще как-то можно разобрать... Последняя. Предпоследняя, предпредпоследняя... Хоть какая-то польза есть от латыни вне юриспруденции... Он вздохнул и постарался засунуть книгу на полку, подальше и поглубже.

И вдруг Он понял. После окончания произведения Рыцарь вчера кланялся. Не так, как в самом конце, а слегка, почти одним кивком обозначая поклон. А между частями – не делал этого. Ну, по крайней мере, выглядеть совершенным дураком Он теперь не будет. А корчить из себя знатока музыкальной теории не нужно. Но тут он заметил, что она уже не спит. Он встал с кровати, покопался в «кухонном» углу, поставил на плитку кофейник и спросил:

– А как ты думаешь, кто мог сделать эту надпись?

Она хитро подмигнула.

– Противный очкарик! Кто же еще? Больше нас там никто не видел. Капельдинер без его приказа так бы написать не посмел, да и вряд ли у него есть ручка с таким дорогим, тонким пером.

– Ничего ты не понимаешь! – снисходительно заявил Он. – Администратор тут ни при чем.

– Ну а кто же тогда? – ехидничала она, и не было понятно, говорит она всерьез или валяет дурака. Он торжественно произнес:

– Это написал Рыцарь!

неудобных мест сидел маленького роста чернокожий человек с сердитым лицом. Позади были трудные времена, впереди – неизвестные. Он одного за другим потерял своих учителей. У первого уже нечему было учиться. А у второго – главного – учиться можно было бы всю жизнь. Но грязный героин и выпивка убили его раньше смерти. Иногда, когда к нему возвращался человеческий облик, он снова становился прежним, но это случалось все реже, а потом – наступил конец.

Странное это чувство. Он осознал, что без этих двоих ему теперь будет несказанно легче. Он стал лучше их обоих. У него здоровья на десятерых таких, как они. Он слышит лучше, чем они, а они-то умели слушать! Но то, что уже создал он, пока никому непонятно и по большому счету не нужно. Теперь ему хватает места. Теперь ему свободно, просторно – и очень одиноко.

Рядом в таком же пыточном кресле посапывал устроивший ему эту поездку старый приятель. Он за время пути приложился к бутылке раз десять, выпил еще несколько порций того, что разносила белая стюардесса с надувной улыбкой, и опустошил плоскую флягу из внутреннего кармана пиджака. Вот и спит.

– Эй, тряхни башкой! Там внизу что-то, похожее на город, куда мы летим. Ремни пристегивай, пьяница! Приехали!

– А? Уже? Очень хорошо. А то через час-другой у меня в кишках и в легких началось бы такое...

Что на это скажешь? «Ты скоро сдохнешь, как Байдербек и десятки других?» А то он не знает...

Самолет стукнул колесами по бетону, все слегка вздрогнули. Наконец, плавно притормозил, из открывшейся двери донесся запах чужого, заокеанского воздуха. «Старый Свет». Здесь даже пахнет, как в старом доме...

Он вышел на трап и увидел на балконе аэропорта толпу с какими-то плакатами, встречали неизвестную ему большую шишку. Это его разозлило.

– Эй! Посмотри туда. Через несколько лет так будут встречать меня! Понял?

Приятель пьяненько улыбнулся.

– Дурак ты, черномазый. Тебя и встречают!

Три дня он не понимал, что происходит. Белый швейцар с медалями на ливрее открыл перед ним двери в отель. В залах публика сходила с ума, выкрикивая его исковерканное имя. Ему дарили цветы, как женщине.

Днем он оказался на обеде, который дали какие-то люди в его честь. По сравнению с этими людьми сам он одет был просто безукоризненно. Они неважно говорили по-английски, но и сам он

говорил на «своем» – черном английском, так что за столом не всегда понимали друг друга. Приятель старался пить поменьше, «для поддержания разговора», а точнее – «для поддержания жизни». В конце концов они вышли в туалет, извинившись.

– Что это за люди? Зачем я им сдался?

– Они считают тебя гением. Таким же, как они сами.

– А они-то кто?

– Если ты о таких слышал – это Сартр, жена Сартра по кличке Бобер, любовница Сартра – ее не знаю, не видел до сегодняшнего дня...

– Так откуда ты знаешь, что она его любовница?

– А на кой черт он потащил бы ее с собой в ресторан?

– Ты идиот. Здесь его жена!

– Ну и что? Одно другому не мешает.

– А тот хрыч в жеваном пиджачке?

– Он вроде какой-то друг Джанго.

– Джанго? Цыгана-гитариста?

– Да. Но он многих знает. Вообще всех. Это тебе не Нью-Йорк. Это город маленький.

– Ну да, ну да... А брюнетка чья любовница?

– Не знаю. Чья-нибудь. Такие одинокими не бывают. Э, интересуешься?

– Заткнись. Ты ведь сейчас замахнешь еще этой кислой дрянью и притворишься, что не спишь. А мне умные слова придется говорить.

– До сих пор не слышал ни одного.

– Так. Сейчас я врежу по твоему брюху, и все эти Шато и Марго брызнут наружу...

– Не-а! Не станешь пачкать костюмчик!

– Только поэтому ты и жив до сих пор. Пикассо я знаю, это художник. А этот Сартр, он кто такой?

– Ну ты даешь! Он – ну вроде как философ. Пишет книжки...

– Так писатель или философ?

– Всего понемножку.

Потом попробовали поиграть в зале перед концертом. Брюнетка и хрыч в жеваном пиджаке появились и там. Но там были и тот же Сартр, и еще кто-то, еще кто-то, и еще пять месье, и восемь мадемуазель, и шесть мадам... Он не успевал, да и не собирался запоминать все имена. А вот брюнеткино имя так и не расслышал. Ничего. Сейчас будет слушать она.

Перерыв возник не потому, что он его объявил, а потому, что просто все разом остановились. Остановились, потому что сами не верили, что ТАК можно, что ТАК сыграли они, и совершенно потрясенные тем, что сделал он, – ему захотелось закрыть глаза и услышать происходящее со стороны. Встал, нескривленно-беззаботно откинулся прямо перед ней на спинку стула и шелкнул языком.

рывалась только в том, что он частенько опускал на верстак руки и думал, пока отдыхали усталые мышцы. Важно было успеть. Он сделал деки плотнее и толще, а форму оставил «свою» – вытянутую, полную. Иногда он пробовал скрипки на улице – если зазвучит на открытом воздухе, не подведет нигде.

Рыцарь смотрел на чудо, лежавшее перед ним, и вспоминал, как впервые прикоснулся к ней – еще не смычком, слегка потеревив струны пиццикато. Как впервые попробовал ее «на голос». И как в тот день разочаровался. Как любая другая. Ничего необычного не было в ее звучании.

Он сам вывозил ее из послевоенного Бухареста, где получил ее из рук своего великого учителя. Он знал и кто прежде играл на ней, и кто ее слушал. Этот инструмент в свое время принес славу Эжену Изаи. Им владел и Андрэ Вьетан, по фамилии которого инструмент получил новое собственное имя. До Вьетана, который играл на ней в последние одиннадцать лет жизни, скрипкой владел французский мастер Жан-Батист Вийом, купивший ее у некоего Бенцигера из Швейцарии.

Рыцарь слышал другие инструменты Гварнери – The Emilian, Lord Dunn-Raven, не говоря о принадлежавшей самому Паганини Il Canone. И вот несколько лет назад в его руках оказалась эта скрипка. Не сразу с ней удалось поладить. И только спустя три недели он вдруг почувствовал, что она ответила ему.

А сейчас ему самому предстоит выбор. Пройдет несколько лет, и нужно будет отдать ее. Но кому? Несколько минут он сидел и перебирал три или четыре имени. Но выбора так и не сделал. Ничего. Пока это может подождать.

Он подошел к дорогому проигрывателю, включил его громко, как всегда делал.

Коридорный, услышав, что слушает великий человек, замер. И вдруг довольно подумал: «А ведь у нас с ним общие вкусы!» И коридорный был в чем-то прав.

* * *

Акробатка удивилась, с какой неожиданной легкостью Кобра вдруг поднялся и направился в ванную комнату, откуда явился побритый и свежий. Затем он оделся в свой обычный, уже слегка потрепанный костюм и стал чистить туфли.

– Ты куда собрался? – спросила она, еще напуганная его утренней внезапной слабостью. – На концерт еще рано!

Он поманил ее к себе и обнял. Пропустил пальцы сквозь волну ее волос, прижался лбом к ее лбу и вдруг спросил, будто бы просто так:

– Тебе нравится этот дом?

Она покачала головой.

– Ты все-таки не шутишь.

Он не мог бы дать ей ничего такого, чего у нее не могло бы быть без него. Она могла бы больше потеть с ним, чем... чем... И тут она сказала:

– Я привезу вещи. Сегодня. Как ты это делаешь?

– Этого никто не мог сделать, кроме тебя. Но вещи перевезти ты успеешь и завтра. А сегодня ты пойдешь на концерт.

– На концерт... На тот самый? Вместе с тобой?

– Нет. Вместо меня. И будет тебе поручение. Знаешь, у меня есть еще полчаса. Свари-ка нам кофе!

* * *

Рыцарь вспоминал в тот вечер, как впервые увидел веселую физиономию скрипача с ехидцей в глазах. Это было в коридоре телестудии, где он должен был играть на каком-то благотворительном концерте. Он был очень зол – с утра капризный «Вьетан» не желал звучать.

Это выводило из себя, на студию он приехал в отвратительном настроении, попытался привести инструмент в чувство, но без толку. А вся его пусть даже короткая сегодняшняя программа была придумана именно для этого Гварнери.

Тут-то он и увидел насмешливое лицо. «Чтоб ты провалился!» – подумал Рыцарь и, понимая, что тот не никуда не провалится, отвернулся. Вдруг из-за спины раздался звук другой скрипки. Такой же проказливый, как лицо ее хозяина, – и пригласительный. Первые несколько нот джазовой темы, тогда известной каждому. Его провоцировали ответить. Он ответил пиццикато, и вторую фразу из известной темы нахал уже сам начал пиццикато, это был настоящий вызов.

И тут капризный инструмент будто проснулся и выдал завершение второй фразы в своем лучшем голосе.

Два старых мастера из разных музыкальных миров сперва обменивались репликами в этом бессловесном, а потому куда более значительном разговоре, отвечая друг другу шуткой на шутку, комплиментом на комплимент, и вот уже заговорили вместе как приятели, не боясь перебить друг друга, и прекрасно друг друга понимая.

И четверть часа пролетели, а вокруг собралась уже почти вся студия. Когда тема им наскучила

и они опустили смычки, прибежавший из-за пульта режиссер закричал: «Умоляю! Господа! Сыграйте вот это! Да к черту что там в программе!»

После телевидения они отправились в кабачок, где-то недалеко от дома, где когда-то жил композитор Артур Онеггер, и играли, и изрядно выпили. К ним присоединились еще несколько музыкантов, а в кабачке, оказалось, не было посторонних, а были только участники этого чудесного загула, и все разошлись только к утру.

Это было в пятницу, а днем в субботу, ближе к обеду, жена подала Рыцарю новое мокрое полотенце и неожиданно, вместо того чтобы рассердиться, – рассмеялась.

– Знаешь! А это было действительно прекрасно! Я давно не видела тебя таким веселым!

– Ох... Сейчас мне тоже хочется смеяться... но не стоит, – улыбнулся Рыцарь. – Жалко, что это место я уже не найду. И даже телефона у этого парня не взял.

– Боже мой, ну как ты мог! Это было... Ты знаешь, на твоих концертах то, что ты делаешь, понимает от силы четверть тех, кому достаются билеты. А с ним...

– Я вспомнил концерты для солдат во время войны. Если бы можно было сыграть их с ним – было бы гораздо больше пользы.

– Скромничай-скромничай. Но слушали тебя прекрасно.

– Если бы я сам сидел на одном из этих огромных пароходов перед десантом... Я бы просто хотел услышать твой голос.

А она ответила:

– По-моему, вам стоит записать пластинку! Не для умирающих. Для живых.

Он улыбнулся.

– Только... – тихо ответил он.

– Что только?

– Только не сегодня! – И улыбнулся, держась за голову, обмотанную полотенцем.

– Да уж! – улыбнулась жена.

В обычном своем состоянии эсэсовец сразу почувствовал бы опасность. Но три бокала вина он проглотил еще перед выходом из дома. И вот он снова в кабачке, где играет этот цыган.

А за ним уже следили два бесстрастных глаза, и не прийти бы немцу сегодня домой, если бы вдруг он сам не подозревал человека в мятом пиджачке и не сказал:

– Завтра сюда нагрянет полиция с облавой. Вот. Возьмите! Отдайте ему. Дайте еще кому-нибудь, кому нужно. Все пропуска с печатями и подписями. Только имя вписать.

Человек в мятом пиджачке взял бумаги и вышел в уборную. Там он разглядел их при свете тусклой лампы – и спрятал в карман. Вернувшись в зал, дождался, когда музыканты сядут выпить и перекурить, и сунул трем из них эти бумаги, что-то проворчал на ухо.

Когда офицер вышел на улицу, кто-то из-за угла тихо сказал ему:

– У вас сегодня очень счастливый день.

– Вы думаете?

– Точно знаю. – И этот кто-то усмехнулся.

– Да можно ли ему верить?

– Нет, Ренэ, не уверен. Но это единственный шанс для Мануша и его брата. И для...

– А если это какая-то хитрость?

– Тогда для этого немца никаких «если» не останется. Его я отыщу где угодно. Мне будет важно, чтобы он узнал, что это сделал я – и за что.

Но пропуска оказались самыми настоящими.

Офицер потом перетаскал незнакомцу еще десятки таких. Сколько мог. Ходил по самому краю. Но вдруг понял, что уже ничего не боится.

– Это уже совсем не то! Так просто нельзя играть! – возмущался Юг, слушая «Ко-Ко» Чарли Паркера в десятый раз. – Мануш, это просто нельзя играть в Париже!

Мануш прошелся по комнате, выкурил подряд две сигареты, затем снова поставил пластинку и вдруг улыбнулся:

– Черт возьми! Уж не говоря о том, что он играет на саксофоне почти так же, как я на гитаре! Это же просто великолепно! Я хочу с ним играть!

– Только не в моем клубе! – взвизгнул Юг.

– Мне все равно, где. Он может не согласиться, вот что обидно. Это – великое будущее. Если б понять, что будет после него! Ведь где-то уже есть такой парень, который знает, как это будет.

Юг раздосадовано плюнул в угол.

– Ты сам не слышишь, что это твой похоронный марш?

– Похоронный марш не бывает таким веселым.

Великий Мануш редко играл в последние месяцы своей жизни. Но если играл, то часто именно би-боп.

– Смотри! Это для нас! – воскликнул Он, обращаясь к Ней, еще не пришедшей в себя, сжавшейся, готово расплакаться.

И Она увидела – что смотрит он только на нее, и не просто смотрит – ничего, кроме нее, не видит, не хочет видеть... И Она вдруг успокоилась и, забыв, где она и что вокруг сотни глаз и ушей, бросилась к нему у в руки, прижалась к его шее, а он растерялся и зашептал: «Что ты? Что ты?»

Когда Рыцарь вышел на свое место, сразу бросилось в глаза, что под фраком, кожей и мускулами – нечто потверже обычных костей. Он шагал такой же походкой, какой выходили на поединки рыцари тысячу лет назад, с тяжелыми двуручными мечами, обретая с каждым взмахом все больше ловкости, и подчиняли себе движения тела и оружия. Он уже скользнул по трем самым важным местам в зале робким взглядом. А когда затихли звуки Сарасате, все пошло по программе. Bruch. Violin concerto no 1. Это был особый концерт. Рыцарь даже не играл – он вспоминал тех, кого сегодня не могло быть в зале.

Акробатка затихла в своем кресле. Он почему-то представила себе комнату, кровать, ночник и радиоприемник, старика с насмешливыми глазами, который погрозил ей пальцем. Вчерашнее счастье вернулось к ней, и незаметно сняла она с шеи и из ушей дурацкие блестящие игрушки. Они нужны тем, кого не любят. Она смотрела на двух счастливых детей. Потом вдруг вспомнила, что когда-то умела довольно сносно готовить.

В антракте Акробатка подошла к Ней, поцеловала ее в щеку и прошептала: «Береги его! И если что – звони. Вот тебе номер!» – и написала прямо на программке. Спроси Жюльетт. Или попроси Кобра позвать жену. Или просто приходи, вот адрес.

– Кобра?

– Ты его знаешь! Он дал вам вчера билеты...

– Мадам! А кто он?

– Сама не понимаю.

После концерта, коротко поклонившись в последний раз, Рыцарь вышел в свою гримерную и, быстро сняв фрак и черные брюки с атласным поясом, переделался в штаны с пузырями на коленях, клетчатую рубашку и пиджачок. Потом он взял «Вьетан» и спустился к невзрачному подъезду, у которого уже стояла машина. За рулем сидел Ренэ. На переднем сиденье – Кобра.

– Здравствуй, дружище! Пришлось чуть-чуть задержаться. Я изменил программу. В этом зале тоже нужно было сыграть...

– Я понимаю.

– Он... Давно?

– Неделю назад. Рыбачил на берегу Сены. Я все понял, когда не увидел его на обычном месте.

Подъехала и вторая машина, оттуда помахали рукой, и оба автомобиля понеслись в не слишком презентабельный кабачок. А там – старые и молодые музыканты собрались под фотографией скрипача и гитариста, в полный рост. Фотография была черно-белая, и уже никто не знал, почему кажутся не очень подходящими к костюму носки, торчащие из-под брюк гитариста.

И хотя заведение было не фешенебельным, сюда мог попасть далеко не всякий. Стоявший у входа совсем не похожий на швейцара человек пускал тех, кого знал. А потом начали играть – а тогда дверь и вовсе закрыли изнутри.

